

The background of the cover is a vibrant, multi-colored sky with a fine, grid-like texture. The colors transition from warm oranges and yellows on the left to cool blues and purples on the right. A silhouette of a person wearing a hooded sweatshirt stands with their arms outstretched horizontally, positioned in the lower half of the frame. The overall mood is one of freedom and wonder.

Павел Амнуэль

Поводырь

*Фантастическая
повесть*

Павел Амнуэль

Поводырь.
Фантастическая повесть

«Издательские решения»

Амнуэль П.

Поводырь. Фантастическая повесть / П. Амнуэль —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939482-8

Человек будет путешествовать к иным мирам, в далекие галактики, на
неосвоенные планеты. И для этого не нужны будут звездолеты...

ISBN 978-5-44-939482-8

© Амнуэль П.
© Издательские решения

Поводырь

Фантастическая повесть

Павел Амнуэль

Корректор А. Браинин

© Павел Амнуэль, 2018

ISBN 978-5-4493-9482-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он сидел в последнем ряду, и его почти не было видно за грузным широкоплечим мужчиной – Флоресом с кафедры политологии, заглянувшим случайно, так он сам сказал, когда мы столкнулись в дверях. «Название у вашей лекции странное, доктор Голдберг, невычислимые функции. Я думал, что математика – это когда вычисляют».

Молодой человек, время от времени выглядывавший из-за плеча Флореса, смотрел на меня так, будто я был его врагом. Однажды – в середине лекции, – обратив на него внимание, я не мог оторвать взгляда, и когда он исчезал за спиной Флореса, мне казалось, что я продолжал его видеть. Странное ощущение, не из приятных, и отвлекало, к тому же.

– Теперь вопросы, пожалуйста, – произнес я традиционную фразу, уверенный почему-то, что первым поднимет руку молодой человек в последнем ряду. И спросит, конечно, о том, как относятся к моим идеям коллеги, не считают ли они эти идеи несколько... гм... вздорными, хотя и не противоречащими современной квантовой физике.

Однако молодой человек не проявлял активности, и я скорее механически, чем с ощущением интересной дискуссии, ответил на вопросы студентов.

– Больше вопросов нет? Спасибо за внимание.

Тогда-то, как на аукционе перед третьим ударом молотка аукциониста, поднялась из последнего ряда одинокая рука, и выглянувший из-за плеча Флореса мужчина сумел огоршить меня вопросом, не имевшим никакого отношения ни к невычислимым функциям, ни к инфинитному анализу, ни вообще к математике или физике. Никто вопроса не понял, а многие и не расслышали, поскольку спешили к выходу.

– Скажите, доктор Голдберг, что вы думаете о случае в заливе Морского змея?

Флорес поднялся, на мгновение загордив от меня вопрошавшего, помахал мне рукой и двинулся к выходу.

Я мог и не отвечать: отведенное мне время закончилось. Но несколько студентов остановились в проходе, обернулись и наострили уши.

Я выключил и закрыл лэптоп, отсоединил кабель проектора, спрятал компьютер в чехол, перебросил через плечо ремень и только после этого поднял взгляд, надеясь, что, не получив ответа, молодой человек покинул аудиторию. Студентом он не был – мне, во всяком случае, в коридорах или аудиториях не попадался, я бы запомнил.

Он стоял в последнем ряду, сложив на груди руки, и ждал ответа.

– Простите, – сказал я, – не знаю, о чем вы спрашиваете.

Мне издалека было видно, как он смутился.

– Я иногда путаю... – Говорил он будто сам с собой, но смотрел мне в глаза, и я поймал себя на том, что иду к нему, хотя нужно было мне в другую сторону: к двери, выходящей в южный, а не восточный коридор.

У молодого человека были прямые светлые волосы, расчесанные на косой пробор, чуть удлиненное лицо, нос коротковатый и будто нарисованный. Лет ему я бы дал тридцать два – тридцать пять. Наверно, он много путешествовал (загар, крепкие мышцы, выправка). Может, служил в армии – в общем, принадлежал совсем не к моему кругу людей, физически обычно расслабленных и уделявших внешнему виду не больше времени, чем требовалось, чтобы бодрым шагом пройти утром от дома до кабинета в одном из зданий Йельского университета.

– ... На самом деле, – закончил он фразу, когда я приблизился на такое расстояние, чтобы можно было говорить, не повышая голоса и не опасаясь, что услышат посторонние, – я имел в виду не Морского змея, а...

Он запнулся.

– Черепаху, – закончил я механически, не подумав, что совершаю самую большую ошибку в жизни. Название это я третий год старался не вспоминать, и то, что сейчас произнес его вслух, означало... Не знаю, что оно означало – слово вырвалось непроизвольно, а точнее, вытянул его из меня взгляд стоявшего напротив человека, удовлетворенно кивнувшего, когда я прикусил себе язык.

– Залив Черепахи, точно. В гавани Брэндфорда. – Он еще раз кивнул и протянул руку, рассматривая меня настороженно-недоверчиво-подозрительным взглядом. – Меня зовут Лев Поляков. Не Полякофф, как здесь принято, с двумя «ф», а с твердым «в». Вы родом из России, доктор? То есть, ваши родители?

Что он знал о заливе Черепахи? Почему спрашивал?

– Вы здесь учитесь или работаете? – Я не мог задать более глупого вопроса, но, когда хочешь перевести разговор, вопросы обычно такими и получаются.

Он покачал головой: ни то, мол, ни другое. Он специально приехал на мою лекцию, чтобы задать вопрос, которого я не ждал?

– Я прочитал пару ваших работ, доктор Голдберг, и, прошу прощения, почти ничего не понял. – Теперь он смотрел на меня взглядом скорее смущенным, чем недоверчивым.

– Если вы не специалист, – пробормотал я, думая о другом. Что он знал? Почему спросил?

– Не специалист, – согласился он. – Я был бы очень благодарен, доктор Голдберг, если бы вы разъяснили некоторые положения вашей теории, я имею в виду инфинитный анализ квантовой запутанности, а я взамен сообщил бы то, что помню о происшествии в заливе Черепахи. Помню я немного, но все же...

Никто не мог этого знать! Мы были там вдвоем. Двое на всем белом свете. Двое во всей Вселенной – так мы чувствовали, так оно и было на самом деле.

– Память избирательна и непредсказуема, – продолжал он, – и без знания вашей теории идентичных миров моя работа – просто интуитивная практика, не более того.

Правильно построенная фраза. Наверняка этот человек сначала сложил ее в уме, потому что английский не был для него родным...

– Может, лучше по-русски? – предложил я.

– Нет-нет. По-английски доверчивее.

Слово показалось мне не очень уместным, но поправлять я Полякова не стал, просто не успел, потому что последовавшее предложение заставило меня подумать о далеко не очевидных, но возможных последствиях нашего знакомства.

– Мы можем поговорить у вас дома, доктор Голдберг. Там нам никто не мешает, поскольку живете вы один.

Этот человек поражал меня все больше! Верно, я жил один, но откуда Поляков мог знать об этом?

Я подумал, что мы слишком долго топчемся на месте – в буквальном и переносном смыслах.

– Вы на машине? – спросил я, и мой визави поднял глаза горе, будто предположение о том, что у него может быть машина, есть преступление против логики и здравого смысла.

– Хорошо, – сказал я, – поговорим у меня.

Он повернулся ко мне спиной и направился к выходу, не беспокоясь о том, что я мог, вообще-то, не последовать за ним, а выйти в другую дверь.

Меня неприятно удивило, что, выйдя из здания, он пошел прямо к моей машине, которую я сегодня пристроил не на парковке, как обычно, а в тени раскидистого вяза у пожарной лестницы.

Похоже, он следил за мной. Возможно, не первый день.

Я сел за руль, он молча уселся рядом, пристегнулся и сложил руки на груди.

– Кто вы? – вырвалось у меня, потому что мне на миг показалось, что рядом сидит не молодой мужчина в спортивном костюме, а нематериальная сущность, платоновская идея, тень на стене пещеры.

– Мое имя Лев Поляков. – Он тоже повернулся в кресле и посмотрел мне в глаза. – Обычно называют Лоцманом, такая у меня профессия, но я предпочитаю более правильное русское слово: Поводырь.

Он произнес эту фразу по-русски без малейшего акцента, и я тоже перешел на русский – не потому, что так мне было легче, наоборот, по-русски мне тоже приходилось сначала составлять фразу в уме и только потом обращать обдуманное в звуки – слово, действительно, не воробей.

– Поводырь? – повторил я. – Это прозвище?

Он не был похож на лоцмана, какими я их представлял по фильмам и книгам. Мысленно я примерил на него морскую фуражку и отбросил в сторону: не сочеталось. Он был сухопутным человеком, я мог дать голову на отсечение: если и выходил когда-нибудь в море, то на прогулочном катере в гавани Брэндфорда.

– Профессия, – сказал он, – хотя правильнее было бы назвать это образом жизни.

Не люблю ложной многозначительности, а в том, что и, главное, как он говорил, многозначительность переливалась через край, как манная каша, которую мне в детстве варила моя русская бабушка, постоянно забывая выключить газ и спохватываясь, когда каша выползала из кастрюльки и шипением докладывала о том, что уже готова.

* * *

От факультета до моего коттеджа семь минут езды. Машина свернула на Лорел-стрит и остановилась у ворот, открывшихся в ответ на сигнал прибытия. Выключив двигатель, я обнаружил, что мистер Поляков уже стоит у двери и собирается нажать на кнопку звонка – проку от этого не было бы никакого, звонок не работал еще с тех пор, как дверь снабдили идентификатором.

– Не стоит, – сказал я. – Вам она даже не ответит.

– Конечно, – пробормотал он. – Всегда забываю...

Мы вошли в холл, я провел Полякова в гостиную, усадил в кресло, тяжело вздохнувшее от необходимости принять непривычную форму, и сказал:

– Я принесу напитки и легкую закуску, а вы тем временем подумайте над вопросом – собственно, единственным, который меня занимает: почему вы упомянули залив Черепахи?

Поляков промолчал, и я вышел на кухню, где приготовил пару бутербродов с окороком, налил вино (мое любимое «шардонне») в два высоких бокала, раздумывая о том, что в жизни не попадал в более нелепую ситуацию. Почему я пригласил к себе человека, которого никогда прежде не видел? Почему там же, в аудитории, не потребовал ответа на вопрос о заливе Черепахи? И еще: мне казалось, что Полякова я где-то видел. Или кого-то похожего. Где мы могли

встречаться? Точно не в университете. В городе? В полиции? Гадать было бессмысленно – память не выдавала своих секретов сразу.

Когда я вернулся в гостиную, Поляков сидел в той же позе, в какой я его оставил, и даже взгляд, как мне показалось, был направлен в ту же точку. Я поставил на стол поднос и спросил:

– Залив Черепахи – что вы знаете об этом?

Поляков ответил, продолжая разглядывать едва заметное серое пятно на стене:

– Я возвращался после обследования фарватера. Интуитивно... Я вам говорил, что в моей профессии нечего делать без интуиции? Она меня и вывела на мелководье. То, что этот остров назывался заливом Черепахи, я понял потом. Точнее, вспомнил.

Фарватер? На суше? Остров, который называется заливом?

– Простите, – пробормотал он, переводя на меня взгляд. – Я что-то не то сказал?

– Вы не ответили на вопрос.

– Ну как же... Хотя... да. Я не могу ответить точно. В памяти, конечно, все сохранилось, но у памяти поводырей свои особенности, вот почему я хочу, чтобы вы преподали мне основы теории квантовой запутанности и идентичных ветвей, иначе мы не разберемся в том, что важно для нас обоих.

Нанизыванием слова на слово он, кажется, пытался скрыть то ли неуверенность, то ли нежелание отвечать на вопрос.

– Что вы знаете о заливе Черепахи?

– Я же сказал! В тот день я обследовал новый для меня фарватер. Возвращаясь, вышел на мелководье. Это тоже земля, конечно. Идея в том, что явление должно описываться вашими уравнениями и теорией невычислимых функций. Вы мне должны объяснить, что к чему, а не я – вам.

– Залив Черепахи! – вернул я его в русло разговора.

– Да... – Он помедлил. – То, что помню... Я подумал, что могу позволить себе небольшой отдых, прежде чем вернуться домой через Ардейл.

– Ардейл? – Поблизости от Нью-Хейвена не был населенного пункта с таким названием. – Вы можете сказать, наконец, что видели? – Я больше не мог сдерживаться.

Он поднял на меня виноватый взгляд.

– Со стороны домиков, похожих на склады, появились двое: мужчина и женщина. Вошли в воду по щиколотку, мужчина подвернул брюки, а женщина была в короткой юбке, она сняла туфли и несла в руке. Мужчина был на голову выше спутницы, рубашка светло-зеленая навыпуск, волосы темные, гладко зачесанные назад, нос немного великоват для его лица...

– Спасибо, – сухо сказал я. – Мне приходилось смотреть на себя в зеркало.

– Ну да... Женщину вы тоже знаете.

Я промолчал.

– Они ссорились и не обращали на меня внимания, – продолжал Поляков.

Ссорились, да. Я впервые вышел из себя, накричал, и она...

– Женщина пошла навстречу волне.

А я стоял, смотрел и еще ничего не понимал. Как и она.

– Я сразу представил, что произойдет. – Поляков отвернулся от меня и смотрел в пустой проем стены, будто видел там, как на белом экране, кадры из старинного немого фильма. – Нужно было уходить, но у меня возникло ощущение, что я на капитанском мостике, корабль несет на камни, а за борт упал человек, его можно спасти, дав полный назад, но тогда корабль почти наверняка выбросит на берег...

О чем он говорил?

– Женщина входила все дальше в воду, волна прямо перед ней поднялась на высоту двухэтажного дома и опрокинула, как куклу... Всё, – виновато произнес он. – Больше не помню.

Сенту так и не нашли. Искали, как мне потом сказали в полиции, весь вечер, а потом с утра и целый день. Ничего. Был шторм, тело унесло в бухту, а оттуда, скорее всего, в океан. Я ничего этого не помнил. Только то, что мы начали ссориться еще по дороге к заливу. Дальше – провал.

– Значит, вы там были.

Он кивнул.

– Куда ж вы делись? – враждебно спросил я.

– Домой, конечно, – глухо проговорил он, и неожиданно его речь опять стала сбивчивой. – Но не уверен, что... Я и Ардейл не помню, потому что перенервничал на берегу. Я ж говорю: память у поводырей профессиональная и на мелководье сбивается. Я потому и хотел, чтобы вы... Собственно, это все.

– Полиция искала свидетелей. Хотя бы одного. Мне сказали, что службу спасения вызвал я, звонок был с моего мобильного, и голос мой, мне дали прослушать. Но я не помню! Вы там были? Не понимаю.

– Я тоже, – буркнул он. – Потому и пришел на лекцию: думал, вы сможете объяснить. Вы занимаетесь инфинитным анализом, невычислимыми процессами...

– Функциями, – поправил я.

– Что? Да... А также квантовой запутанностью, и по классификации многомирий у вас есть работа. Без всего этого, я уже говорил, лоционирование представляет собой не науку, а набор интуитивных практик.

Я никогда не слышал о лоционировании и не знал никого, кроме математиков-модернистов, кого инфинитный анализ интересовал бы в профессиональном смысле, а не как направление, никому, в принципе, не нужное, но чрезвычайно интересное и непонятно-волнующее. На мои лекции ходили не для того, чтобы приобщиться, а чтобы размять мозги – как на представлениях Войцеховича, извлекавшего корни восьмой степени из пятнадцатизначных чисел и запоминавшего с одного взгляда до семи страниц текста любой сложности и на любом языке.

– Послушайте... Лев, да? Послушайте, Лев, так мы не пойдем друг друга. Я не знаю, кто вы, как оказались на берегу залива в тот вечер, не знаю, что такое лоционирование...

– Я к вам и пришел, чтобы вы объяснили – не на пальцах, а математически, Это только вы сможете. На одной интуиции не получится... В общем, тупик, – неожиданно закончил он и посмотрел на часы, висевшие над дверью в кухню.

– Вы торопитесь?

– На мелководье времени всегда больше, чем на островах, это же земля, – сказал он непонятно.

Я пожал плечами.

– Хорошо, – вздохнул Поляков. – Вы не знаете, кто я? Знаете, но не можете вспомнить. Все та же проблема.

Я не стал говорить о своем ощущении. Может, мы действительно встречались?

– Родился я в России, – начал он, глядя поверх моей головы, – в тысяча девятьсот девяносто пятом году.

– О, – заметил я. – Вы на одиннадцать лет старше меня, а выглядите моложе.

Пропустив замечание мимо ушей, он продолжал:

– Жили мы в Москве, и все мои предки до пятого колена – дальше я не заглядывал – коренные москвичи. Учился я в остужевской школе, это марка, верно? Мои способности к лоционированию проявились рано, я еще в школу не ходил, но тогда, конечно, не понимал... Обычно лоцманский талант проявляется годам к шестнадцати у мальчиков, а у девочек чуть раньше – возможно, это связано с особенностями созревания, но толком никто ничего сказать не может. Как-то был урок истории, мы проходили середину двадцатого века, первые звездные сходы, биографию Одена, его поход через пояс Оорта, гибель, и я вдруг явственно увидел...

как говорится, перед моим умственным взором возник весь фарватер, и глубину я почувствовал отчетливо, что редко бывает в таком возрасте, я и сказал, что идти надо было через остров Вамлея, я тогда плохо знал – точнее, вообще не знал – навигационные лоции, понятия не имел, что первый остров Вамлей обнаружил в девятьсот шестьдесят седьмом, через двадцать лет после гибели Одена. Помню, учитель посмотрел на меня с удивлением и сказал: «Лева, останься после уроков, нам нужно серьезно поговорить». Он мне и рассказал о моем призвании. Прежде-то у меня было спонтанно, я не понимал...

– Извините, – прервал я Полякова. – Вы сюжет фантастической истории рассказываете?

Он закрыл рот и улыбнулся внутренне, как это бывает: лицо вдруг озаряется, меняется взгляд, это трудно описать словами, словами вообще много чего описать трудно, а то и невозможно. Понимать понимаешь, знать знаешь, а словами объяснить не можешь. Так я когда-то мучился, пытаюсь высказать Сенте все, что чувствовал. Не смог, а сейчас и вспоминать об этом не нужно.

– Я думал, – сказал он, – что в доме физика-теоретика увижу много книг – по специальности хотя бы.

– У меня была большая бумажная библиотека... то есть по сравнению с электронной мелочь, конечно, три с половиной тысячи книг. В моей прежней квартире они занимали полторы стены. Пыли было... Постепенно я их раздал в библиотеки, не помню уж, в какие.

– Как все по-разному, – вздохнул Поляков. – Я давно в профессии, но все равно не перестаю удивляться.

– Чему?

– Многообразие идентичных миров. Вам-то это должно быть понятно... или... я неточно выразился... Извините, что отнимаю время... Но, видите ли, у нас нет развитой теории многомирий, и тому, что я умею, невозможно научиться. Я прихожу сюда второй уже раз, и это не случайно. Сначала тот залив. Потом... Перед тем, как пойти на лекцию, я побывал в университетской библиотеке, искал по профессии... Поразительно! – неожиданно воскликнул он. – На дворе двадцать первый век, а у вас ракеты на химическом топливе, единственная станция на спутниковой орбите, вы не были на Марсе, не говорю о дальних планетах! И, в то же время, о многомирии вам известно куда больше, чем нам, я имею в виду теоретические разработки.

Умел же этот человек говорить много, но не сказать ничего, нагнетать интерес, не переходя к сути! Поляков поймал мой раздраженный взгляд и спросил:

– Сами-то вы когда-нибудь были в космосе?

– Нет, конечно. Я физик, а не астронавт. И космический туризм не для меня – слишком дорого.

– Хотя... – добавил я, – в детстве мечтал о космосе. Даже как-то в классе, кажется, девятом, написал... точнее, начал и бросил... рассказ о том, как в далеком будущем герой перемещается от звезды к звезде на велосипеде, педали крутит, и от этого вырабатывается энергия, которая... не знаю... фантазия, в общем.

– Велосипед, – протянул Поляков. – Любопытно. Неужели... – Он не закончил фразу.

– Что? – спросил я.

– Это мне облегчает... – улыбнулся он. – Вы не бывали в космосе. Хотите, покажу?

Вопрос прозвучал неожиданно, и я ответил «Конечно!», не подумав. Мне показалось, что я начал понимать, кто этот человек, и даже относительно его странной профессии кое-что я себе уяснил – что-то, чего не смог бы выразить словами. Поляков произнес во время своей сумбурной речи несколько ключевых для меня слов, и я боялся, что догадка окажется верной, и хотел, чтобы она была правильной, и еще неожиданное ощущение прорастало во мне: желание почувствовать такое, чего никогда прежде не чувствовал. Вспомнились слова из старой повести Грина «Бегущая по волнам» – о Несбывшемся, которое приходит внезапно, зовет за собой, и ты идешь на зов, позабыв обо всем на свете.

– Конечно, – повторил я и добавил: – Если я вас правильно понял.

Он поднял брови:

– Иногда я сам понимаю себя неправильно. Такой характер.

– У вас совсем нет ракет? Ни химических, ни ядерных... никаких? – Вопрос я задал прежде, чем успел подумать о том, насколько он бессмыслен.

– В космос на ракетах не летают, – буркнул Поляков. Кажется, он себя внутренне к чему-то готовил, и мои вопросы ему мешали, но он все-таки ответил. – А в атмосфере да, чтобы оставаться в мире.

Он поднялся и потянулся за сумкой, оставленной рядом с журнальным столиком. С такими заплечными сумками ходят студенты и некоторые преподаватели, разве что цвет был слишком ярким. Поляков что-то в сумке нащупывал, шепча слова, казавшиеся мне знакомыми, но воспроизвести его речь я бы не смог, а смысла не понимал вовсе.

Я тоже поднялся, соображая, нужно ли что-то брать с собой, далеко ли мы собрались, что все это означает, и не подвергся ли я гипнозу.

– Мы ненадолго, – сказал Поляков, закрыв сумку и перебросив ремешок через плечо. – Для иллюстрации фарватера. После этого вы втолкуете мне азы инфинитного анализа.

– Фарватер? – переспросил я.

– Линия наименьшего изменения, – объяснил он, ничего не объяснив. – Как тропинка, заросшая травой: никому не видна, только опытному глазу или интуиционисту, то есть лощману. Поводырю.

– Ничего не понял, – сообщил я.

– Тем не менее, – улыбнулся Поляков, – именно возможности движения в фарватере описывает ваша теория. Сначала каботажное проведение, мелководе, это еще не космос, но...

Он оборвал себя и сказал:

– Поехали.

Совсем, как Гагарин. Даже интонации были такими же, как в документальном ролике.

* * *

Никуда мы, конечно, не поехали. Поляков затягивал ремешок на сумке, а я вспомнил, что завтра у меня с утра практические занятия по интуитивистике бесконечности в группе Валло, и хорошо бы вечером смотаться на верхний ярус Проведо, посмотреть представление конкистадоров.

Мысль показалась мне странной, но, в то же время, естественной. Она была продолжением предыдущей, а предыдущая...

Я будто споткнулся. Ухватился за край стола, потому что... нет, голова не закружилась, я прочно стоял на ногах. Закружились мысли. Память раздвоилась, и я вспомнил, как мы с Поляковым ехали ко мне домой, и как я (в то же самое время, готов поклясться!) проводил Марию-Луизу до ее коттеджа, поцеловал руку, давая понять, что не прочь зайти на чашку кофе, а она покачала головой и скрылась за дверью.

– С непривычки, – сказал Поляков, внимательно за мной наблюдая, – это сильно выбивает из колеи. Учтите – в смысле памяти я вам ничем помочь не могу, я поводырь, а не психолог. Потому и искал вас, чтобы, изучив теоретические основы, научиться делать то, чего ни один поводырь не умеет. С памятью у нас проблемы, и это, с одной стороны, естественно, однако...

С Мери мы поссорились из-за сущего пустяка. Я это понимал, она это понимала, пустяк стал лишь поводом, все к тому шло, и это мы оба понимали тоже.

Мери... Знакомое имя. Мария-Луиза. Аспирантка? Меня она никогда не интересовала. Мы кивали друг другу при встрече, и у меня (у нее тоже, уверен) не было никаких идей относительно того, чтобы встретиться, посидеть в кафе и уж, тем более...

Я почувствовал, как краска залила лицо: вспомнил наш уик-энд в Йеллоустонском парке. Поляков едва заметно кивнул и сказал со странной интонацией одновременного огорчения и удовлетворения:

– Вероятности наложения эмоционально окрашенных островов достаточно велики, я всегда их избегаю, но сейчас не стал выбирать внеэмоциональные траектории, чтобы вы ощутили... это не очень приятно, по себе сужу.

Я обошел стол (квадратный, хотя в памяти сохранился и круглый) и направился к окну, занавешенному тонким тюлевым занавесом приятного темно-зеленого цвета (вообще-то мне больше нравились жалюзи, но и занавески я выбирал сам, Мария-Луиза вызвалась помочь, утверждая, что женщина в таких делах разбирается больше, но я вежливо ей отказал, мне всегда хотелось, пока я живу один, все решать и делать самому).

Отодвинул занавеску и увидел то, что ожидал. Чего не ожидал – тоже. Вот засада: обе мысли возникли одновременно, оттолкнулись друг от друга и застыли трехмерными проекциями.

Мария-Луиза снимала коттедж напротив моего вот уже почти полгода, нам обоим так было удобнее. Над дверью у нее горел светло-зеленый карниз, освещающая дорожку и куст сирени, посаженный предыдущим хозяином. Направляясь к Мери, я каждый раз отрывал ветку...

– Воспоминания? – участливо спросил Поляков.

– Да, – коротко сказал я, глядя на синюю дверь коттеджа и надеясь, что сейчас, как это часто бывало, откроется кухонное окно, Мария-Луиза высунется по пояс с телефоном в руке и начнет мне звонить, увидев мой силуэт за занавеской. Как вчера: мне нужно было готовиться к лекции, а Мери хотелось в кино, я не мог разорваться и предложил заказать фильм в мою гостиную, хотя голограмма, заполнившая все пространство, оставив вне поля только мой стол с компьютером, действовала на нервы, а когда айцелот вцепился в горло кротампу...

Я тряхнул головой и вспомнил другое: вчера я действительно провел весь вечер за столом – но один, и готовился не к лекции по геометрии Бермановых пространств, о которой не имел ни малейшего представления, а к сегодняшнему докладу по инфинитному анализу.

– Напрягает, – серьезно сказал Поляков, подойдя ближе, будто собирался подхватить меня, если я по какой-то причине потеряю равновесие и попробую упасть. – И вы видите, то есть, вспомнили, верно? Ну... что вы на этом острове не занимаетесь инфинитным анализом и ничем мне помочь не в состоянии.

– Вы уже... То есть...

– Это мелководе, отсюда удобно переходить в более проблематичные ветви, если вы понимаете, что я хочу сказать.

Я сел. Стул выгнул спинку, и мне пришлось откинуться, я не любил эту позу и сел прямо, спинка тоже выпрямилась, но опереться на нее я побоялся, хотя и помнил, что спинка примет любую запрограммированную специально для моей спины форму.

– Человек, – медленно произнес я, стараясь не позволить Полякову отвести взгляд: пусть смотрит мне в глаза. – Человек, личность – это, в огромной степени, память.

– Конечно, – кивнул Поляков. – В том и проблема.

– Две памяти в одном мозге, – продолжал я, – прямая дорога к шизофрении.

– Если бы только две, – воздел очи горе Поляков. – Какая-то причинно-следственная связь... именно это обчислить можете только вы...

– Обчислить? Боюсь, воспоминания не относятся к вычислимым процессам.

– Совершенно верно! Но ведь вы такими функциями занимаетесь!

– А когда вы перетаскиваете меня в...

– Я никого не перетаскиваю, – быстро произнес Поляков. – Я поводырь, понимаете разницу?

– Ведете за руку...

- Показываю дорогу! Фарватер.
- Неважно. Там, в третьем мире...
- Острове.
- Острове, – повторил я, – мне вспомнится еще и...
- Ах, это...
- Так недолго и рехнуться!

– Я не знаю! Я практик. Интуитивист. И в моей практике ни разу не было такого, чтобы кто-нибудь запомнил хотя бы один остров. Никто и ни разу. Запоминают только конечную точку маршрута. Возможно, это закон природы – вы сможете ответить на этот вопрос. Я – нет. Поводырей учат умениям. Практикам. Как психологи в вашей ветви. То, что у вас называют психологией – не наука, а набор практик, как у нас лоцманство.

– Хорошо, – пробормотал я. – Поводырь, значит. С одной Земли на другую. В определенном порядке, суть которого вы не знаете, ощущаете интуитивно, просто чувствуете, что с этой Земли...

– Острова.

– С этого острова нужно перебраться на вот этот, а не на соседний, а почему – понятия не имеете, я правильно понял?

Поляков пожал плечами и одновременно кивнул. Получилось довольно смешно, он и сам улыбнулся, поняв, что его ответ – если подобный жест можно назвать ответом, – слишком многозначен, чтобы быть засчитанным.

– А вы сами? – я ткнул в Полякова пальцем. – Вы должны помнить каждый остров, иначе не смогли бы быть проводником...

– Поводырем.

– Какая разница? Не смогли бы, верно? И как эти многочисленные острова уживаются в вашей памяти?

Он пожал плечами.

– Это вы тоже должны будете учесть в расчетах.

– Какие расчеты? – буркнул я. – Работать с невычислимыми функциями обычными математическими методами невозможно.

– Это ваши проблемы...

– Вы не ответили на вопрос.

– О моей памяти? Каждый момент времени мне кажется, что память у меня одна, и помню я одну свою жизнь от детских лет до нынешнего мгновения. И все острова, конечно, помню, вы правы, как бы иначе я знал фарватер? Но все это помню я, понимаете? Я. Один.

– Да, – усмехнулся я. – Каждый момент вы помните свою жизнь, но не уверены, что одну и ту же? Одну – да, но ту же?

Он отвел взгляд. Конечно, он думал об этом. Много думал. Умный человек. В огромном архипелаге – бесконечно большом, по сути! – он сумел найти остров, где надеялся получить ответы на свои вопросы.

Я оставил его сидеть за столом и обошел коттедж – даже на крышу поднялся по знакомым ступенькам, через чердак, где было много пыли, хлама и воспоминаний, от наплыва которых мне пришлось остановиться, ухватиться рукой за свисавший с потолка шнур и переждать. Вспомнил, как в первую ночь, только переселившись в новое свое жилище, я всю ночь, вместо того, чтобы спать, простоял у открытого окошка (да, вот здесь) и смотрел на звезды, которых не видел несколько лет – в городе мне в голову не приходило любоваться звездным небом, там никогда не гасли огни реклам и фонари у домов, смотреть было не на что. Я смотрел на звезды и размышлял о том, как разобраться с проблемой Мардена-Кошета...

– Понимаю, – сказал я, вернувшись в гостиную и застав Полякова в той же позе, в какой оставил. – Очень странное ощущение: помню функции Кошета так, будто сам...

– Сами, конечно, – буркнул Поляков, не поднимая взгляда.

К этому было трудно привыкнуть. Я вспомнил Янку – мою первую девушку, еще в России, где я жил до отъезда в... Господи, я же из Москвы сразу переехал в Штаты, не было на моем пути Израиля, да и делать мне там было нечего, никто не занимался проблемой, которую я хотел взять в качестве доктората... Мы с Янкой перед моим отъездом оттянулись как сумасшедшие, оба понимали, что увидимся еще, нет проблем, но останемся просто хорошими знакомыми, может, друзьями, а то, что было между нами, не вернется, и не расстояние тому причиной, а наоборот – расстояние только поставит дли-и-нную точку (именно длинную, и понимайте как хотите).

– Ну что? – будничным тоном спросил Поляков и, наконец, посмотрел мне в глаза. Определял, достаточно я проникся, или надо дать мне еще время. – Двигаемся дальше?

– Я... забуду?

– Что? Это тоже мне должны сказать вы, понимаете? Все забывают. Помнят только начальную и конечную точки маршрута. Начальную и конечную. И на каждом острове фарватера они, естественно, как и вы сейчас, помнят начальную и данную промежуточную точки. Не знаю, почему так происходит. И не знаю никого, кто мог бы объяснить. Никого, кроме вас. Инфинитная математика наверняка создана еще в бесконечном множестве ветвей, но я не могу... я всего лишь поводырь и рад тому, что встретил вас. Так мы двигаемся дальше, или вы уже поняли, чему именно вам нужно дать математическое обоснование?

Я ухватился за спинку стула – знакомый стул, я каждый день сидел на нем, когда смотрел визор, а когда приходила Мери... но в моем коттедже вообще не было стульев, я люблю плетеные кресла, их у меня пять...

– Вперед, – сказал я и внимательно осмотрел гостиную, стараясь запомнить каждый предмет, хотя запоминать было нечего, я тут жил пять лет, а в этом мире – всю жизнь.

Поляков кивнул и сказал:

– Это второй остров, доктор Голдберг. Второй, а не первый.

– Почему второй? – переспросил я. – Если считать...

Я понял. Сначала это ощутили мои пальцы, а потом дошло и до сознания. Я крепко вцепился в спинку стула... это был не стул и не привычное кресло: сооружение, напоминавшее собранную щепотью ладонь, светло-кремового цвета («мой любимый цвет», – сказал бы ослик Иа). Я никогда...

Ну, как же! Купил я эту качалку в прошлую субботу в торговом центре Кармона – специально ездил забирать, штука уникальная, делается по индивидуальной мерке, Полякову в мое кресло не сесть – вытолкнет.

Часы в форме большого морского штурвала со старинными арабскими цифрами вместо принятых в Европе более поздних обозначений показывали половину десятого, и я не сразу сориентировался – утра или вечера. Вечера, конечно: солнце уже село в западном окне, и засаженное до самого горизонта поле кочерыжечной пшеницы переливалось всеми цветами радуги, я обычно любовался им на закате, ближе к полуночи там смотреть было не на что...

Уолтер! Он должен приехать с минуты на минуту. Может, с Глорией, но, скорее всего, один, что-то у них вчера произошло, и Уолт опять будет плакаться – рассказывать, какую штуку Глория отчебучила, сил его больше нет... сил у него, по-моему, было достаточно и для того, чтобы всякий раз приводить жену в чувство, и для следующего брака, если Глория ему действительно надоест настолько, что придется отвезти ее в центр бракосочетаний, где...

Уолтер? Глория? Я отогнал воспоминание и опустил в кресло, поддерживавшая меня ладонь выгнулась и принялась средним пальцем массировать мне спину между лопатками.

– Как вы это делаете? – спросил я Полякова, стоявшего передо мной в позе Наполеона – без треуголки, конечно, но взгляд, левая нога, выставленная вперед...

– Если б я знал, – вздохнул он. – Призвание. Опыт. Тренировка. Но в какой-то момент понимаешь: достиг предела. Нужно хотя бы понимание. Ощущение сути. Знание. Теория. Профессия становится набором практик, а я хочу большего. Я уже говорил вам, доктор Голдберг: хочу знать, как и почему это происходит. Какая тут физика. И могу ли я, например... Нет, об этом потом... Это третий остров на мелководье. Двинемся в глубину или вернемся?

– Третий? – удивился я.

– Третий, – буркнул он, передернув плечами. – Я ж вам говорил... Нет, вы этого уже не помните, обычная история. Вам кажется, что только что мы были в вашем коттедже на Лорел-стрит.

– Нет, только что мы были здесь же, но вы сказали, что это остров номер два.

Поляков посмотрел на меня со смешанным выражением удивления и восхищения.

– Вы! – воскликнул он. – Вы запомнили? А первый?

Я покачал головой.

– Вы сказали – второй, а теперь говорите – третий.

– И это лишний раз доказывает, – заявил Поляков, – что вы тот человек, который мне нужен! Так мы пойдем на глубину или вернемся?

– Если мы вернемся, – сказал я, соображая, как перестроить матрицу движения, чтобы взаимно уничтожались все промежуточные фазовые состояния. Это, конечно, упрощение, модель, но в данном случае, чем проще модель... – Если вернемся, эту ветвь я запомню, или при закольцовывании маршрута память обнулится, как память компьютера, который после команды «стоп» возвращается в исходное состояние, включая состояние памяти?

Поляков посмотрел на меня с уважением. Сесть ему было негде, я не любил принимать гостей, во всяком случае, не здесь, для гостей у меня была квартирка при университете. Он прислонился к простенку между окнами, став очень похожим на горельеф Наполеона, я даже хмыкнул.

– Запомните, естественно, конечную ветвь – цель движения.

– А вы...

– Я – поводырь. Я помню каждый остров, каждую кочку на фарватере. Как иначе я мог бы проводить группы?

– Это десятки, сотни...

– Тысячи и миллионы, – подхватил он.

– А как же... – у меня пересохло в горле, очень хотелось пить, я знал, что в кухне, на столике у меня стоит – здесь, в этой ветви, а не дома, в Коннектикуте, – початая бутылка сейги, винного напитка, прекрасно утолявшего не только жажду, но и, в определенном смысле, некоторые иные желания, которых у меня, впрочем, сейчас не было и о существовании которых я вспомнил без обычного энтузиазма.

– А как же... – повторил Поляков, наблюдая за моими усилиями разделить две памяти. – Вы хотели спросить: мои способности к навигации ограничиваются только нашей планетой, или существует лоцманская космонавтика? Морская? Океанская?

– Не уверен, что хочу услышать ответ сейчас. Если мы отправимся дальше по этому вашему фарватеру, я забуду ваши объяснения, верно?

– Скорее всего. Но вы запомнили второй остров, и, значит, возможно...

– А если вернемся?

– Пожалуй, нам действительно лучше вернуться. В том, что лоцманская навигация реальна, вы убедились, и разговор наш станет более предметным.

– Хорошо. Только...

– Вы хотели бы здесь осмотреться, – улыбнулся Поляков, – чтобы больше запомнить. Пожалуйста, я подожду.

– У меня мобильный телефон, – с сомнением сказал я. – Если я сделаю несколько снимков...

– Хоть миллион. Конечно, они сохранятся после возвращения. Сохраняется любая информация, на любом носителе. Но тоже только в конечной точке маршрута. Это вы должны учесть в уравнениях.

– Уравнений классического типа в инфинитном анализе не существует. Вы хотите сказать, что... Ладно, – перебил я сам себя. – Обо всем этом – когда вернемся.

Я обошел комнату, притрагиваясь к каждому предмету и стараясь запомнить, хотя и так прекрасно помнил каждую тумбочку, каждый гаджет, кровать под пологом в спальне, огромную микроволновку в кухне, холодильник-шар... и платья Марии-Луизы в стенном шкафу... Я их сегодня утром подобрал с пола и повесил на плечики, уверенный, что они так и провисят, пока я их не суну в мусоропровод, Мери никогда не надевала одно платье дважды. «Терпеть этого не могу, – говорила она. – Как ты носишь один костюм столько времени, у тебя не возникает ощущения, что ты застыл в жизни?» – «Нет, – говорил я, – жизнь это вовсе не смена одежды». – «А как же ты отделяешь один день от другого?» – говорила она, и я думал: ведь верно, для нее смена дней и смена одежды – по сути одинаковые в своей бессмысленности процедуры, при ее профессии иначе и быть не могло, а меня это раздражало...

– Осмотрели? – спросил Поляков. Я обернулся: он шел за мной из комнаты в комнату и ставил на место предметы, которые я брал в руки, рассматривал, вспоминая, а класть забывал, просто выпускал, они падали на пол, и что-то, кажется, я даже разбил, но мне об этом не думалось.

– Да, – сказал я. – Странное ощущение: хотел все запомнить на будущее, а вместо этого всплывает прошлое, нити памяти тянутся в обратном направлении...

– Конечно. Давайте сядем и поговорим, наконец, предметно, потому что на самом деле все гораздо... ээ... хуже, чем... Но сначала: что вы об этом думаете?

Я хотел сказать «Хорошо, давайте вернемся», но прикусил язык – мы уже вернулись, и этот момент прошел мимо моего сознания.

– Хорошо, давайте поговорим. Присядьте.

Я отправился на кухню и сварил кофе. Смолот и сварил в старой кофеварке, которой не пользовался бог знает сколько времени. Хотел спросить Полякова, сколько ему положить сахара, но раздумал: пусть положит сам, сколько захочет. Пока кофеварка возмущенно шипела, а потом фырчала, выдавливая напиток, я приходил в себя, собирая расхристанные мысли и сводя в список вопросы, возникавшие хаотически, но, как я полагал, все же в каком-то интуитивно неосознаваемом порядке. Когда я вернулся в гостиную с подносом, часы над дверью в кухню показывали 17:52, а солнце за окном легло на вершину дерева, росшего через дорогу.

– Вы говорили об астронавтике. Другие планеты? Космос? Или... все-таки только Земля?

Поляков поднялся, подошел к столу, принюхался, запах кофе был замечательный, лучший сорт арабики, большая редкость в наше время сплошного боша. Поморщился, бухнул в чашку три ложки сахара, размешал, отпил глоток, вернулся на диван – все это он проделал медленно: не степенно, а именно медленно.

– Конечно, – сказал он наконец. – Космос. Океан. Терпеть не могу каботаж. Иногда провожу группы к спутникам больших планет. Туристы. Но обычно ко мне обращаются ученые. Астрофизики, в основном. Это не то чтобы сложнее, провести я могу кого и куда угодно, я же чувствую фарватер, как... не знаю... собственное сердце. Но там... да, вакуум, а вблизи от звезд радиация. Много заявок на системы с нейтронными звездами, черные дыры опять же, ядра галактик, квазары... Самое дальнее плавание было – к горизонту.

– Черной дыры?

– Черные дыры тоже, но я говорю о горизонте Вселенной. Шестьсот тридцать два острова на фарватере. Замучился, право слово. Вы хотели бы побывать на горизонте черной дыры?

– Да. – Я ждал этого вопроса и ответ был у меня готов еще до того, как я мог себе представить, что такой вопрос мне кто-то когда-нибудь задаст.

– Но там невозможно выжить, – добавил я. – Как же...

– Не могли бы вы, – перебил меня Поляков, оттягивая, похоже, момент истины, о котором он знал все, а я ничего, – приготовить еще чашку этого замечательного напитка?

– Пожалуйста, – сказал я, поставил пустые чашки на поднос и пошел на кухню, затылком ощущая буравивший меня взгляд Полякова. Разговор наш принимал все более странный характер, а воспоминания о недавнем путешествии исчезали из памяти, как выветривается сон. Просыпаешься и все прекрасно помнишь, стараешься запомнить все детали сна, но через минуту многое кажется туманным, через три не можешь вспомнить даже важные детали, а через пять понимаешь: да, снился сон, но что именно... не помню, хоть тресни. Дождаясь, пока зашипит, выпуская напиток, кофеварка, я вспоминал: картину на стене (никогда такой не видел, хотя ощущение было, будто картина очень знакома, я сам ее и вешал, произведение модного примитивиста... как его... Штефан? Шацман?), похожая на надгробие деревянная скамья в коридоре, нарушавшая гармонию, симметрию и выглядевшая несуразно и неуместно, но, тем не менее, занимавшая свое место, я секунду назад помнил, когда и для какой цели купил этот шкадон... ээ... да, так этот предмет назывался, на распродаже в Хефлинге... Хефлинг? В ближайшей окрестности не было населенного пункта с таким названием, но я там был недели две назад... или месяц... или не был вообще.

Кофеварка выдавила в чашку порцию «замечательного напитка», а я с недоумением и досадой следил, как из памяти вымывалось то, что я хотел запомнить.

Я стоял, крепко вцепившись обеими руками в спинку стула – не упасть боялся, а хотел удержать воспоминание, расплывавшееся, как лужица на плоской поверхности.

Кофеварка выдавила вторую порцию, я едва успел подставить чашку. В нее-то, видимо, и слились остатки того, что я запомнил – какая-то комната, что-то там было...

Я поставил на поднос чашки, придумывая формулировку вопроса, который сейчас задам Полякову. Какой смысл в путешествии куда бы то ни было по фарватеру, если...

– Какой смысл... – начал я, войдя в гостиную, и едва не уронил поднос. Все-таки не уронил, поставил на стол, обошел его и встал над лежавшим на полу телом.

Поводырь, лежал ничком, вцепившись правой рукой в ножку стола. С первого взгляда можно было подумать, что он спит. Со второго...

Это был мертвец.

* * *

Лежал Поляков так, что можно было, наклонившись, заглянуть в его мертвые глаза. Из рта вытекла тоненькая струйка крови. Но самое очевидное свидетельство смерти – рана в левом боку, небольшое отверстие от пули. Крови почти не было – может, и не должно было быть при такой ране?

О чем я думал? В те первые минуты – ни о чем. Единственная мысль, которую запомнил – о том, что рану нарисовали, а смерть свою Поляков изображал с неизвестной мне целью, – прожила недолго, а больше мыслей не было. Наверно, я впитывал информацию (это я начал понимать потом, а тогда мне казалось, что я тупо смотрел на тело и по сторонам: ступор и шок).

Через год или больше, а скорее, через минуту – время для меня то сворачивалось клубком и застывало, то прыгало, как кенгуру, пропуская кванты, – я все же пришел в себя или, точнее, взял себя в руки настолько, чтобы совершить необходимые действия и ввести в сознание, будто шприцем, необходимые мысли.

Наклонился и пощупал пульс. Пульса не было. До приезда полиции нельзя было прикасаться ни к телу, ни к предметам вокруг. Это я знал, читал в детективах и видел в кино. Я ни к чему не притронулся, кроме теплого, но безжизненного запястья, поднялся, высматривая

то, что должно было лежать рядом с телом. Из чего-то же Поляков себя застрелил! Пистолета не было. Может, выстрелив, он инстинктивно отбросил оружие? Я заглянул под диван и рукой пошарил в пыльной темноте. Пусто.

Может, пистолет лежал под телом? Поляков выстрелил, уронил оружие и упал на него.

Глупо было этим заниматься, но мысль о том, что трогать тело нельзя, столкнувшись с непреодолимым желанием понять случившееся, спряталась в подсознание. Я взял Полякова за плечо и повернул – чтобы затем положить в точности так, как тело лежало. Пистолета не было, и я подумал, что на самом деле не ожидал его увидеть. Внутренним сознанием – если такое существует – я знал, что оружия в комнате нет, и искать его бессмысленно.

Не мог он себя убить! Глупая мысль, почему я за нее цеплялся? Не мог он вывернуть руку так, чтобы... Я попробовал сделать это сам (вспомнил мамино требование: «никогда ничего не показывай на себе») и понял то, что уже знал: в Полякова стреляли, и убийца ушел, унеся с собой оружие. И никак иначе.

Вызвать полицию. Скорее. Иначе преступник скроется; наверно, у него машина, и полиции придется объявлять розыск.

Я потянулся к лежавшему на столе телефону и, к счастью, сначала подумал. Думал я плохо, но эта мысль все-таки пришла в голову. Как, черт возьми, преступник, кто бы он ни был, попал в дом? Как вышел? Я прекрасно помнил, что, когда мы с Поляковым вошли, я запер дверь, как делал это всегда. Другого входа в доме нет. Все окна закрыты, потому что работал кондиционер.

Совсем идиотская мысль: убийца пролез через оконце в ванной или туалете. Нет, конечно. Оконца были слишком малы, но и они были закрыты, на обоих ручки были повернуты в состояние «заперто».

И еще: я не слышал выстрела. Правда, я не прислушивался к тому, что происходило в гостиной, был занят приготовлением кофе и собственными мыслями, но выстрел я не мог не услышать! Разве что стреляли из пистолета с глушителем.

А Поляков? Стоял и ждал, пока в него выстрелят? Я не слышал крика. Может, убийца подкрался сзади, и Поляков даже не понял, что происходит?

Какая чушь лезла мне в голову!

Но одна здравая мысль меня все-таки посетила. Я понял, наконец, что оказался в безвыходном положении.

Звоню в полицию. Приезжают детективы. И что обнаруживают? Труп в запертой комнате. В закупоренном изнутри доме. Гипотетический убийца, по свидетельству самого хозяина, и осмотр покажет, что это так, не мог ни войти, ни выйти. «Скажите-ка, доктор Голдберг, куда вы спрятали оружие? У вас было достаточно времени, чтобы это сделать. Мы, конечно, произведем досмотр, но будет лучше... признание вины смягчает... никто, кроме вас, не мог...»

«Какие проблемы были у вас с убитым? Каков мотив?»

Никакого, но это неважно. Ясно, как божий день: никто, кроме меня, не мог убить этого человека. А оружие я спрятал.

Эта мысль была такой очевидной, что я стал соображать: куда в моем коттедже можно спрятать пистолет так, чтобы его не нашли при самом тщательном обыске?

Никуда.

Если я вызову полицию, то стану первым и единственным подозреваемым. Наедине с убитым в запертом доме. Мотив? У меня нет никакого мо...

Я мысленно прикусил язык.

Поляков определенно знал, что произошло на берегу залива Черепахи. Я привез его к себе, чтобы выяснить неизвестную мне правду. Он был там и тогда. Он – с точки зрения полиции – мог свидетельствовать против меня. «Провал в памяти, доктор Голдберг? Вы очень не хотели, чтобы вам память освежили?»

Я мог открыть двери и окна и сказать, что неизвестный убийца проник в коттедж, когда я готовил на кухне кофе, убил моего гостя (почему?) и скрылся.

«И выстрела вы не слышали?»

Не годится. Преступник оставил бы следы, например, на подоконнике. Современные методы экспертизы позволяют обнаружить микроскопический клочок ткани, след пальца, что угодно, вплоть до капельки пота, по которой можно прочесть ДНК.

Открыт был дом в момент убийства или заперт наглухо, как пресловутые комнаты в романах Джона Диксона Карра, но убить Полякова мог только я.

И если я вызову полицию...

А если не вызову? Что делать с мертвым телом? Вывезти и захоронить? Какие несусветные глупости приходили мне в голову!

Почти сразу, увидев мертвого Полякова, я понял, чем мне придется заняться. Понял, но не допускал в сознание, пока не перебрал все варианты и не убедил себя, что существует лишь одна возможность.

Докопаться самому. Выяснить: почему, как и, главное – кто.

Рассказать копам о своем предположении? Мне не поверят, для них мое заявление станет аргументом против меня.

«Человек из другой ветви многомирия? Придумайте что-нибудь получше, доктор Голдберг!»

Я не слышал выстрела. Никто не мог ни проникнуть в дом, ни покинуть его в те несколько минут, что я провел на кухне.

Поляков был поводырем. Он говорил об интуитивизме, как основе лоцманства. Он хотел, чтобы я создал теорию явления.

И его убили. Потому что он пришел ко мне? Потому что хотел узнать, понять, использовать? Кому-то это было не нужно? Смертельно опасно?

Не нужно фантазировать. Я понятия не имел, почему убили Полякова. Не имел ни малейшего представления, как его убили. И кто.

Я опустился на диван и бездумно смотрел перед собой, ожидая, пока меня «отпустит». Время от времени меня била крупная дрожь – внезапно, приступами, с которыми я не мог справиться.

Нужно было сделать кофе – большую чашку; может, тогда удастся привести мысли в порядок.

Я прошел на кухню так, чтобы не видеть тела, и я его не увидел. Выпил кофе за кухонным столом. Дрожи больше не было. Мысли перестали скакать.

Я сказал себе, теперь уже не панически, а разумно-сосредоточенно: «Никто, кроме тебя, не разберется. Полиция навесит убийство на тебя, и ты не докажешь, что не спрятал оружие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.